

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.

еликий князь Александр Ярославович жил в самое тяжкое время для русской земли. Лихие татары прошли ее вдоль и поперек, пожгли города, села, потоптали нивы; самые людные края запустили: кто попал в неволю, кто полег головою на своем пепелище, а кто бежал в непроглядные леса, спасаясь в одиночку. Там, где было прежде людно, теперь рыскали волки, а где бродили прежде волки, спасались люди. Замолкла песня пахаря, перестали звонить колокола, призывая православных в церкви Божьи; соха так и осталась торчать на недоконченной полосе. Обгорелые церкви сиротливо стояли между грудами развалин, а священные ризы пошли на попоны и халаты для неверных. Много нужно было приложить труда, чтобы устроить землю, умиротворить людей. Русские люди того времени, еще не испытавшие ярма чужеземцев, не умели переносить его терпеливо, как следует рабам. При всяком удобном случае они пытались скинуть это ярмо, не рассуждая, что выйдет из того, — лучше или хуже. Нужно было

приучить русских людей ждать терпеливо лучших времен, а пока они наступят, — безропотно повиноваться. В такое-то время жил князь Александр; он сумел сохранить доблести прежних русских князей и в то же время умел ладить с татарами. Грозный победитель Литвы, немцев, шведов — низко кланялся хану и, поднося ему подарки, смиренно умолял пощадить виновную Русь. — Так было нужно тогда поступать.

Еще за год до появления в русской земле Батыя, Александр был посажен княжить в Великом Новгороде. Здесь сидел князем его отец Ярослав; здесь провел он свои молодые годы и прошел трудную науку управляться с новгородской вольницей. Молодой князь был высок ростом, красив собою, речист и голосист: его голос гремел перед народом или войском, как труба. Гроза татарского нашествия счастливо миновала Новгород. Батый опустошил земли Рязанскую, Суздальскую и Тверскую: он подошел уже к Торжку. Жители этого города две недели отбивались и наконец обессилели; перепуганные новгородцы не двинулись на помощь. Татары сожгли Торжок, жителей перерезали всех без остатка и тронулись дальше. Они шли на озеро Селигер: пожары обозначали их путь; люди валялись, как поленья дров. Передовые отряды монголов появились верст за сто от Новгорода, как вдруг Батый повернул назад и через нынешнюю Калужскую губернию увел свою рать на отдых в половецкие степи. Он, верно, испугался большой воды, потому что дело было ранней весной, или, может быть, святые угодники отмолили близкую беду. — Так, по крайней мере, думали новгородцы, гордые заступничеством св. Софии.

Зато на них нагрянула гроза с другой стороны. Шведский король выпросил у папы позволение огласить крестовый поход на богоотступников и язычников финнов. Всем, кто примет участие в походе, было обещано прощение грехов. Охотников на эту приманку нашлось много; два года продолжались сборы, — и весть о них дошла до новгородцев. Узнали они и про то, что шведы похвалялись перекрестить их точно язычников в

латинство. Новгородцы проведали это и стали готовиться к войне: срубили по р. Шелони несколько городов; по морскому побережью поставили надежную стражу. В 1240 году шведы с норвежцами и финнами появились в Неве, близ устья Ижоры; они шли прямо к Ладоге, чтобы оттуда спуститься к Новгороду. В сбродном войске головорезов находились и латинские епископы; они шли с крестом в одной руке, с мечом в другой. Эти люди казались страшнее монголов, потому что они шли насиловать веру. Как только морская стража дала знать в Новгород, Александр живо обрядил свою дружину; он не стал дожидаться, пока придут отцовские дружины или пока соберутся ратные люди с новгородских волостей. Время было дорого. Впрочем, многие из новгородских граждан успели снарядиться и пристать к дружине. По старинному обычаю собрались у св. Софии, помолились, приняли благословение от своего владыки Спиридона и пошли в поход. По пути пристали к Александру ладожане, подручники Великого Новгорода. Спешно шли новгородцы; князь Александр был обнадежен победой. Новгородский стражник, по имени Пельгусий, а в святом крещении Филипп, рассказал князю бывшее ему видение. «Когда, — говорит, — я стоял на краю моря, то на самом восходе солнца услышал страшный шум и увидел один насад; посреди насада стояли святые братья Борис и Глеб, в красной одежде; руки подняли на плечи. Не видел я их лика, но слышал голос: «Брате Глебе, вели грести, да поможем мы сроднику своему князю Александру». И стадо мне страшно, затрепетал я, а насад скоро скрылся из моих глаз». — Так рассказывал Пельгусий. Князь Александр приказал ему до времени никому не рассказывать. Из Ладоги Александр повернул влево. Шведы разбили стан в устье Ижоры и стояли беспечно, не подозревая близости русских. Их шнеки качались, привязанные к берегу; по всему побережью белели шатры, и между ними — златоверхий шатер Биргера, предводителя шведско-финской рати. В день св. Владимира, часов в 11 утра, новгородцы внезапно появились перед

станом и обнажили мечи, прежде чем враги успели опомниться. Смелым натиском прошла русская дружина через неприятельский стан и погнала шведов к берегу; князь Александр был впереди: он нагнал Биргера и хватил его острым копьём по лицу, «возложил ему печать на лицо». В дружине Александра немало нашлось удалцов, которые в этот день покрыли себя славой. Княжий подручник, Гаврило Олексич, погнался за Биргером до самого корабля, соскочил в воду и благополучно вернулся; после того уложил на месте епископа и другого знатного шведа, по имени Спиридона. Другой новгородец, Сбыслав Якубович, с одним лишь топором в руке, смело врезался в самую гущу врагов, косил направо, косил налево, очищая путь, точно в лесной чаще; за ним размахивал еще шире своим длинным мечом княжий ловчий Яков Полочанин. Как по широкой улице наступали за этими молодцами прочие дружинники. А там, на берегу, новгородец Миша бросился на сходни и успел потопить три судна. Княжий отрок Савва неся прямо на златоверхий шатер Биргера; он подсек высокий столб: шатер свалился, и возликовали новгородцы, празднуя победу. — Они потеряли только 20 человек убитых, тогда как шведы нагрузили три судна телами лишь начальных людей, а прочих покинули на берегу. Живо снялись шведы с якоря и поплыли домой. Эта победа мужественных новгородцев показала всем русским людям, что они еще не утратили прежней доблести, что они еще могут постоять и за себя, и за св. Софию. Эта же победа доставила Князю Александру славное прозвание «Невского».

Новгородцы любили видеть князя Александра на челе своих дружин, но он-то не любил их своевольтва, и в самую годовщину Невской победы бросил Новгород и уехал к отцу. Между тем на русские земли наступал с другой стороны их старый и еще более грозный враг — немцы. Лет за 50 до этой поры осели на Двине немцы под названием ливонских рыцарей, или «братьев меча», меченосцев. Подобно многим другим

орденам, меченосцы были наполовину монахи, наполовину воины. Они носили на белом плаще красный крест, давали клятву повиноваться папе и выборным начальникам, оставаться в безбрачии, держать общую казну, воевать с неверными, помогать страждущим и больным. Таковы же были обеты и прочих рыцарских орденов, о которых подробно рассказано в Первой книге.

Страну, известную теперь под именем Прибалтийского края, или губернии: Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую, населяли издавна отчасти финны, отчасти латыши. Русские люди того времени свободно проникали в эту страну, торговали, селились, рубили города и обращали язычников в христианство. Вот в этот непочатый край как-то явились латинские монахи; стали крестить в свою веру, а когда туземцы воспротивились и даже убили епископа, то монахи обратились к папе с просьбой поселить здесь рыцарей. Папа послал «братьев меча», велел им занять край и крестить людей силой. Рыцари водворились и для большей безопасности построили в устьях Двины крепость, — нынешнюю Ригу. Как только это случилось, начались частые столкновения между немцами с одной стороны, псковичами и новгородцами — с другой. Русские люди подавали помощь язычникам, не хотевшим креститься от немцев; наконец, они защищали свои угодья, занятые гораздо раньше, чем пришли немцы. После ряда мелких стычек, дело дошло до войны. Русские люди и здесь стали считаться врагами не только святейшего отца, но врагами христианства. Папа благословил рыцарей воевать коренные русские земли. По призыву епископа Германа, рыцари, а с ними толпа немецких охотников, бросились на Псков. Один из русских князей, потерявших правду в частых усобицах, а именно Ярослав Владимирович, вел врагов на своих же братьев. В годовщину Невской победы псковичи вышли к ним навстречу, но были разбиты, причем потеряли своего воеводу Гаврилу Гориславича. Немцы, по следам беглецов, подошли ко Пскову, сожгли посады, окрестные села и целую неделю держали город

в осади. Припертые, что называется, к стене, псковичи согласились на все: дали в заложники своих детей и приняли немецких воевод. Утвердившись во Пскове, немцы вместе с чудью напали на владения Великого Новгорода, жителей обложили данью, построили крепость, а по берегам Луги забрали у сельчан скот и лошадей, так что им нечем было пахать; по дорогам, в 30 верстах от города, немцы били купцов. Вспомнили тогда новгородцы про князя Александра. Он один мог отвести беду. Поехал к Ярославу сам владыка новгородский просить отца, чтоб отпустил сына. И Ярослав отпустил: дело касалось не одного Новгорода, а всей Руси. Немцы заранее уже считали своим достоянием пограничные русские земли; папа присудил их эзельскому епископу, а этот сделал с рыцарями договор: себе выговорил десятую часть всего, что дает земля, а все прочее — рыбные ловли, покосы, пашни предоставил рыцарям. Приехавши в Новгород, Александр немедленно пошел к Копорью; взял крепость, гарнизон немецкий привел в Новгород, а всех бунтовщиков из Чуди, бывших заодно с немцами, перевешал. В следующем году Александр выступил ко Пскову, освободил его от неволи, побил множество немцев, причем погибло более 70 рыцарей; после этого князь перешел р. Великую и проник во владения меченосцев. Небольшой его сторожевой отряд, наткнувшись как-то на немцев, был разбит ими наголову; тогда князь Александр отступил к псковскому озеру, на льду которого остановился. Это было в первых числах апреля; лед еще хорошо держал. Увидя при солнечном восходе приближение врагов, Александр поднял вверх руки и громко произнес: «Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным народом!». — Немцы, выставив длинные копья, подвигались вперед острым клином, или «свиньей», как говорили наши. В кольчугах и шлемах, с длинными мечами, они казались неуязвимы. Ратники Пскова и Новгорода осыпав неприятеля тучей стрел, разбились перед ним на кучки, а князь Александр, прикрывшись ими, провел свою дру-

жину скорехонько боком и ударил на немцев сзади. И была тут сеча великая; льда на озере стало не видно, — все покрылось кровью. Русские гнали немцев вплоть до берега, 7 верст; убили у них 500 человек, а Чуди искрошили бесчисленное множество. С торжеством возвращался во Псков Александр; весь город вышел ему навстречу; игумены и священники несли хоругви, иконы, кресты; близ княжьего коня вели 50 знатных рыцарей, а сзади гнали толпой простых пленников. «Ледовое побоище» и «Невская победа» надолго осадили немцев; они перестали даже думать о покорении русских земель. Вскоре после того приехали от них послы и сказали псковичам: «Что заняли мы мечом — Водь, Лугу, Псков — от всего этого мы отступаемся; сколько взяли наших людей в плен, тем разменяемся: мы ваших пустим, а вы наших пустите». — На этом обе стороны и помирились.

Был у Руси, кроме шведов и немцев, третий враг — Литва. По обоим берегам Немана и Вилии, в дремучих лесах среди болота, жили литовцы, жили бедно, врозь, под управлением своих князьков или жрецов; они поклонялись идолам. Бедность этого народа была так велика, что он уплачивал дань, налагаемую русскими князьями, лыком и вениками. За Неманом, там, где обитало литовское племя пруссы, также утвердились немцы под именем «немецкого ордена». Подобно своим братьям ливонцам, немецкие крестоносцы сурово принялись за обращение язычников в латинство. С другой стороны, наступали на литовцев князья русские; они облагали Литву данью, уводили толпы пленных в Полоцк или в Галич. Эти наступательные движения оживили в литовцах воинственный дух. Они сами полюбили военное дело и взялись за оружие, сначала только для того чтоб защищаться, а потом и для набегов. Из мирного земледельческого народа литовцы мало-помалу сделались народом завоевательным. У них сложились свои особые обычаи. Так, в случае войны, князья сзывали народ колокольным звоном и звуком труб на «четыре

ветра»; после того держали совет и через жрецов испрашивали волю богов. Если боги давали хорошие предзнаменования, то войска разделялись по хоругвям — на пешее и конное. Пешего у них было всегда больше, чем конного. В бою литовцы действовали малыми отрядами; открытого боя избегали, а нападали скрытно, внезапно, стараясь завлечь неприятеля в засаду. На случай вторжения в свою страну, литовцы держали на возвышенных местах готовые костры: зажженные костры служили сигналом, что неприятель перешел границу. Кроме того, на более высоких местах стояли рубленые городки, путь к которым прикрывал дремучий лес, озеро, или же болото. Сюда, в случае опасности, спасалось население и в крайнем случае могло уйти подземными тайниками. Оружие литовцев было вначале так же бедно, как бедна их природа. Они брали на войну дубины, или палицы с насаженными на них каменными остриями; таскали с собой грубые каменные топоры, лук и намазанные ядом стрелы с каменными наконечниками. Для защиты от стрел и копий литовцы надевали шишаки из сыромятной шкуры, шерстью вверх, чешуйчатые латы из конских копыт, кроме того употребляли щиты, кожаные или берестовые. Впрочем, во время Александра, многие литовцы носили уже металлическое вооружение, которое переняли от немцев и русских. Через три года после «Ледового побоища» грабительские шайки литовцев забрались под самый Торжок; сидевший здесь князем Ярослав Владимирович вышел было им навстречу, но потерпел поражение. С большою добычею и русскими пленниками возвращались литовцы в свою землю, как Ярослав с тверичанами и дмитровцами нагнал их под Торопцем. Литовцы на этот раз потерпели поражение и засели в городе. Они отбивались с успехом, пока не подошел Александр со своею дружиною и новгородскими полками. Александр, нимало не медля, взял приступом Торопец и всех засевших тут литовцев, в том числе 8 князьков, приказал посечь мечами. Новгородцы, довольные победой, вернулись восвояси,

а князь Александр прошел с дружиной вниз по Двине; одну толпу литовцев он нагнал по дороге к Витебску, а другую рать истребил на обратном пути под Усвятом. — Так неустанно подвизался доблестный князь, оберегая русскую землю, охраняя православную веру.

Наступило время, когда и князь Александр должен был явиться на поклонение к хану Золотой орды, повелителю русских земель. Батый прислал ему сказать: «Бог покори́л мне многие народы: ты ли один не хочешь покориться моей державе? Но если хочешь сохранить за собою землю свою, приходи ко мне: увидишь честь и славу царства моего». — Александр поехал в орду, вместе с своим братом Андреем. Их отец недавно умер, и один из этих князей должен был получить из рук хана старейшинство над всеми прочими князьями. — Монголы и в приволжских степях сохранили привычки своих дедов-кочевников. По воле хана разбивались кибитки, украшались коврами, оружием, сосудами и всем прочим награбленным добром; лучше и богаче всех была ханская ставка. Вот весь их город, ханская столица. Кругом такого города, на необозримое пространство, паслись стада верблюдов и баранов, табуны коней. Прискучит хану это место, — он отдаст только приказ, и весь город укладывается в телеги, а через неделю разбивается где-нибудь за сотню верст новый, точно такой. Прежде чем явиться к хану, наши князья выдержали очищение от зловредных чар: они должны были пройти между двумя огнями. Хан сидел на вызолоченном высоком сиденье, вроде нашей постели; рядом с ним сидела одна из его жен; по правую от него руку сидели ближние и дальние родичи, ханские чиновники, военачальники, а по левую — знатные татарки. Батый принял русских князей ласково и сразу отличил Александра от его брата Андрея. Оба Ярославича получили приказание ехать в Монголию, поклониться великому хану. Далекий и трудный путь наших князей. Они ехали через страны, еще недавно разоренные, видели развалины цветущих городов, встречали везде

бедность, людское горе. Лишь один Ташкент нашли они уцелевшим от общего погрома. Особенно несносны показались им безводные пустыни, где их мучила нестерпимая жажда, так как нельзя было достать ни капли воды. На всем пути до ханской столицы везли князей на почтовых, без задержек. Столица наследников Чингис-хана называлась Кара-Корум. Она тоже не имела постоянного места и по воле владыки переносилась с одной реки на другую, кочуя вдоль и поперек Северной Монголии. Многолюдный город, в котором толпились не только все народы Азии, но даже пришельцы из Европы, — французы, итальянцы, немцы, — был окружен глиняной стеной с четырьмя воротами. За городом помещался обширный ханский дворец. В торжественные дни являлся наследник Чингиса и принимал побежденных, сидя на золотом троне. Его пестрый шатер был обит изнутри листовым золотом. Богатства повелителя Азии были несметны; в его распоряжении находились тысячи ремесленников, готовых немедленно исполнить всякую затею. Но тяжелы и унизительны показались русским людям обычаи монгольских ханов; лишь одна рабская покорность могла смягчить сердце сурового и надменного повелителя половины мира. Князь Александр, ознакомившись с обычаями монголов, увидел, что настали для Руси иные времена; не доблести, не отвага, не красота и сила получили теперь цену, а смирение, покорность, полная угодливость ханской воле. Тому, кто привык себя считать господином, горько было стать рабом. А все-таки поневоле надо было научиться иначе жить, иначе думать, потому что за вину князя отвечал не он один, а расплачивалась вся его земля. Так было с Андреем Ярославичем, который не захотел «служить хану» и сбежал с женою в Швецию. Батый послал своего темника Неврюя разорить вторично всю русскую землю.

Получивши старейшинство, великий князь Александр принял на свое попечение не только свою вотчину, княжество Владимирское, но и все прочие русские земли. Вскоре прошла по Руси весть, что хан Берке приказал сделать перепись и по-

сылает для этого особых чиновников. Действительно, в земли Рязанскую, Муромскую и Суздальскую явились татарские численники, ставили везде свои власти и переписывали жителей, чтобы обложить их поголовной данью. Народу было очень тяжело сносить татарские наезды. Дошла весть и до Новгорода, что туда придут татары. Те, которые были побогаче, соглашались платить десятину, лишь бы сберечь остальное; бедняки и слышать не хотели о татарах. Новгородцы не считали себя даже подданными хана, потому что их город не был завоеван, как все прочие русские города. Новгородский князь Василий, сын Александра, тоже стоял за народ. Пришли татары и потребовали десятину. Новгородцы наотрез отказались платить дань, хотя приняли ханских послов с честью, одарили их подарками и выпроводили вон. Тогда великий князь Александр, чтоб не накликать большей беды, наказал главных зачинщиков: одних выселил в другие места, других казнил, а сына своего Василия отправил в Суздальскую землю.

На следующую зиму опять явились ханские численники, но с более сильным отрядом конных татар. Разъезжая по волости, они собирали дань, причем не обходилось без драк и даже убийств. Не привыкшие к такому насилию, новгородцы снова возмутились: «Умрем честно за св. Софию и дома ангельские!» — кричал народ на сходке. Татары испугались, заперлись на городище и прислали сказать новгородцам: «Давайте нам число, или мы побежим». — Так прошло несколько дней, пока богачи уговорили бедняков согласиться на перепись. Великий князь прибыл в город с татарами. Они ездили по улицам, переписывали дворы и, покончивши свое дело, удалились. Прочие русские города также нелегко сносили власть монголов. Особенно стали ненавистны ханские откупщики, которые взяли на откуп дани; это были хивинские купцы, люди магометанской веры, носившие название «бесерменов». Они были безжалостны к народу: вымогали десятину, а в случае неустойки насчитывали большие проценты и даже забирали в неволю людей. Народ ожесточился.

Во Владимире, Суздале, Ростове, Переяславле, Ярославле и в других великорусских городах люди собирались на вече и присудили перебить этих бесерменов. Хан Батый пришел в ярость; он уже отдал приказ собирать орду в поход, но Александр поспешил в его столицу и прожил там без малого год, пока не успел замолить вину русского народа. Это была его последняя услуга. На возвратном пути он крепко заболел; полуживого его привезли в Городец, и здесь, 14 ноября 1263 года, скончался заступник русской земли, принявши перед кончиной чин монашеский. Таков был обычай у князей.

Близ села Боголюбова встретили владимирцы своего князя и провожали его тело до города. В стольном городе, в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, пролежали нетленные мощи «благочестивого» князя, пока не перевез их царь Петр Великий на берега Невы, в Александро-Невскую лавру, где они покоятся и поныне. — Так венценосный победитель шведов воздал должное доблестному князю, защищавшему эти же самые берега от тех же самых врагов.

